

ВОЛНЫ ЭТОГО МОРЕЯ...

Николай ТИХОНОВ

Азербайджанский народ, народы всею Советского Союза, прогрессивное человечество отмечают, по решению Всемирного Совета Мира, столетие рождения великого сына азербайджанской земли, сыгравшего исключительную роль в истории развития общественно-политической и философской мысли Азербайджана и Ближнего Востока XIX века, родоначальника азербайджанской реалистической литературы Мирзы-Фатали Ахундова.

Знаменательно, что первое выдающееся произведение его — поэма, написанная на смерть Пушкина.

Мирза-Фатали Ахундов прожил большую, полную бурных событий жизнь. Он создал драматургию, в которой, начиная с первой пьесы «Молла Ибрагим Халил, алхимик, обладатель философского камня» до последней: «Правозаступники в городе Тавриз», показал себя разоблачителем темного мира угнетателей, убежденным врагом невестства, диких суеверий, поднял голос в защиту угнетенного народа.

Повестью «Обманутые звезды» он начал азербайджанскую прозу.

Мирза-Фатали Ахундов был страстным публицистом, основоположником новой азербайджанской литературной критики, выражавшим в статьях и письмах передовые взгляды на положение литературы и ее роль в жизни общества.

Он был прекрасным знатоком русской литературы и последователем ее прогрессивных деятелей.

«Сердце, что погружалось в море мыслей» — так обращается он к своему сердцу в «Восточной поэме» на смерть А. С. Пушкина.

И мы, люди другого века, других исторических судеб, перечитывая сегодня страницы трудов замечательного писателя, мыслителя, философа, политического деятеля, родившегося сто пятьдесят лет тому назад, жившего во времена, которые нам кажутся фантастическими по своим бытовым странностям, должны признать точной эту поэтическую фразу. Да, сердце Мирзы-Фатали Ахундова погружалось в море мыслей, и море это было обширным и полным мудрости и поэзии.

В СЕГДА, когда вспоминаешь жившего в другом веке человека, прославившего себя на поприще науки, искусства или литературы, есть соблазн представить его в жизненной обстановке, воскресить его живые черты, воссоздать какое-нибудь событие, которое имело значение для героя нашего воспоминания.

Я хочу, например, воскресить один не обычный обед в Сухуми, на котором присутствовал Мирза-Фатали Ахундов летом 1837 года. Необычный обед можно назвать потому, что во время этого обеда

шел разговор о поэме Ахундова, посвященной Пушкину.

Барон Розен, начальник только что проведенной в Цезельде военной экспедиции, спросил декабриста Бестужева (Марлинского) Александра Александровича, знает ли он об этом произведении. Бестужев не читал поэмы. Я представляю этот день, обеденный час, когда с моря дует чудный прохладный ветер, берег напоен запахами цветущих садов. Жизнь полновесна и, после только что завершенного похода, с его опасностями особенно прекрасна. Мирза-Фатали Ахундову двадцать пять лет. Марлинскому — сорок.

Оба обожали погибшего поэта. Оба оплакивали его. И вот Бестужев узнает, что есть еще сердце, которое запечатлело в стихах и передает потомству «стон» седовласого старца — Кавказа — по Пушкину.

Правда, поэтический псевдоним Ахундова был тогда «Сабухи» («Утренний»). Барон Розен просит Бестужева перевести поэму Ахундова на русский язык, чтобы широко по России пронесся поэтический отклик восточного поэта. Ахундов поможет ему с языком, хотя сам Бестужев уже владеет, правда, далеко не всеми тайнами изученного им языка. Бестужев дает согласие. Они садятся за перевод.

Но это было, вероятно, не в день обеда, а несколько позже, но не сильно позже, потому что есть трагические обстоятельства, которые дадут знать о себе в самом скором времени — через несколько дней.

Можно вообразить, как, сидя рядом, два поэта разной судьбы и возраста строю

за строкой переводят на русский язык поэму. Они невольно вспоминают Пушкина, его жизнь, они говорят горячо «о том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять свою белизну, лишь бы его перо рисовало черты на лице ее!»

И вдруг лицо Бестужева темнеет, его взор делается тусклым, отсутствующим. Тяжелые думы овладевают им. Ахундов хочет утешить его. — Как странно, — говорит грустный Бестужев, — три Александра: Александр Грибоедов, его уже нет, он погиб в Тегеране... Другой Александр — это Пушкин. Он погиб на Севере, в Петербурге. Я — третий Александр! Темные предчувствия наполняют мое сердце! Очередь за мной!..

Ахундов утешает его. Они погружаются в стихи, и наконец их труд завершен. Перевод «Восточной поэмы» на столе. Отныне он будет жить, пока жив русский язык. Его прочтет вся Россия, за ней весь Запад. Восток читает без перевода.

Поэты прощаются как верные друзья. И в последний час Бестужев, наверно, шепчет Ахундову о своей дружбе до конца и о том, что конец близок.

Утро мыса Адлер действительно близко. Бестужев высказывается на лесистом берегу, входит с пехотной цепью в лес. Из этого леса он не вернулся.

В «Московском наблюдателе» читатели прочли перевод замечательной поэмы далекого азербайджанского поэта.

И ВОТ, дав волю воображению, я возвращаюсь к трудам всей жизни Мирзы-Фатали Ахундова. Перечитывая сегодня его удивительные комедии,

его прозу, его письма, посвященные основным вопросам литературы и восточной политики, видишь, какими богатырскими силами обладает этот феномен, появившийся в разоренной войнами и междоусобицами древней стране, среди общественного упадка, унаследованного от средневековья, среди изуверских обычаев, диких забав и страстей, в стране, потонувшей в море угнетения и несправедливости.

Он поднял бич пламенной сатиры и начал наносить удары так, чтобы все герои его печальной жизненной истории были выведены под обжигающими лучами солнца всеочищающего искусства.

Он делал дело огромной исторической важности. И другого, подобного ему, рядом в то время не было. Были поэты, но если взять их творчество рядом с творчеством Мирзы-Фатали Ахундова, то все-таки придется признать его первенство. Это была натура широкая и всеобъемлющая. Человек глубоких знаний, подлинный гуманист, смелый, ищущий, отважно утверждающий такие истины, за которые в те времена не только не жаловали, но угрожали самыми тяжелыми карами.

Сказать, что «до спасения души автор не имеет дела: оно несколько не занимает его; он отдает предпочтение только той религии, которая делает человека счастливым и свободным в здешнем мире», — значит открыто бросать в то время вызов всем темным силам, идти в бой, не страшась.

Он не боится изображать характеры пороки современного ему общества, будучи глубоко уверен, что оно, это общество,

должно преобразиться, должно исчезнуть все темное, что угнетает и не дает жизни естественно развиваться.

Пусть на сегодняшний день эти народные комедии Ахундова выглядят чисто историческими картинами. Но они сыграли свою большую роль, и даже теперь они поражают своей драматургической правдой, убежденностью и силой, с которыми автор выводит на сцену такую обширную галерею типов, бессмертных, как гоголевские персонажи.

Это удалось ему благодаря широкому знанию всех сторон народной жизни, знанию характеров беков, купцов, молодежи, шедшей на «благородный разбой», крестьян, угнетенных и задавленных нищетой, женщин самой разной общественной судьбы.

Требования, предъявляемые им к поэтам, драматургам, прозаикам, критикам, публицистам, — это целая программа, выработанная вследствие постоянного, долгого наблюдения над явлениями общественной жизни родной страны на фоне общеевропейского подъема культуры.

Его определения поэта и поэзии сохраняют свою силу и сегодня. Он пишет, например, о том, что «хотя каждое стихотворение и рифмовано, но все же не каждое рифмованное произведение есть стихотворение. Например, чтобы легче запомнить и хорошо передать некоторые суждения, их иногда излагают в стихотворной форме. Конечно, называть такие произведения стихотворениями, а их творца поэтом было бы большой ошибкой». «Рифмоплетство, — говорил он. — до того легкая (оночание на 2-й стр.)